

Тан Юйхуэй не мог поверить, что за несколько месяцев жизни в Гардзе его багаж почти не увеличился. Он не помнил деталей о рейсе из Пекина, зато наизусть выучил номер рейса, которым улетал обратно.

За эти месяцы комната в гостевом доме стала для Тан Юйхуэя почти родной. На полках шкафов лежала всякая всячина: камни, собранные им на берегу реки, браслет из трав, сплетённый Кан Чжэ, шарф, связанный мамой Кан Чжэ, с вышитыми на нём цветами космеи...

Взгляд Тан Юйхуэя остановился на ржавом колокольчике, и он погрузился в воспоминания. Кан Чжэ как-то днём снял его с шеи Маленького принца Кхама — своего любимого козлёнка, когда Тан Юйхуэй сопровождал его на пастбище. Колокольчик был чистым, очевидно, его часто мыли, и от него совсем не пахло козами. Тан Юйхуэй хорошо помнил звон этого колокольчика, который Кан Чжэ позже повязал ему на щиколотку. Колокольчик звенел при каждом движении, и если Тан Юйхуэй ускорялся, звон учащался. Тогда Кан Чжэ наваливался на него всем телом, глядя с лукавой усмешкой, а в его глазах плясали озорные искорки. Тан Юйхуэй взял колокольчик в ладонь и на мгновение закрыл глаза. Завтра уезжать, а он всё ещё медлил со сборами.

К ужину он так и не спустился, и Кан Чжэ поднялся за ним.

— Ещё не собрался?

Любой ужин, обозначенный как последний, превращается в прощальный ритуал. Зная, что его самолёт завтра утром, Тан Юйхуэй не хотел идти ужинать. Он боялся снова расплакаться, а плакал в последнее время и так слишком часто.

— Мне нужно ещё немного времени. Пусть дядя с тетёй оставят мне что-нибудь. Ешьте без меня, я спущусь позже.

Кан Чжэ не настаивал, но и не ушёл. Он постоял немного, потом присел на корточки рядом с чемоданом и спросил:

— Тебе помочь?

Тан Юйхуэй чувствовал себя слишком измотанным, чтобы говорить.

— Нет, — коротко ответил он.

Кан Чжэ не уходил. Он вытащил шляпу из аккуратно сложенных вещей в чемодане и, повертев её в руках, сказал:

— Шляпу я заберу.

Это была та самая шляпа, которую он купил для Тан Юйхуэя в супермаркете в Кандине.

— Но... ты же подарил её мне? — ошеломлённо произнёс Тан Юйхуэй.

— Да, но теперь я её забираю.

Тан Юйхуэй не понимал, почему эта простая, неказистая шляпа вдруг вызвала в его душе такую острую боль. Ведь это был подарок Кан Чжэ, напоминание о том вечере, когда под золотистым закатом он, обнажив душу, рассказал ему всё. А теперь Кан Чжэ забирал её обратно. Тан Юйхуэй промолчал и, угрюмо склонившись над чемоданом, продолжил складывать вещи. Кан Чжэ молча смотрел на него.

Через некоторое время Тан Юйхуэй обречённо произнёс:

— Ладно, забирай.

— Спасибо, — сказал Кан Чжэ.

Он встал и потрепал Тан Юйхуэя по волосам.

— Я оставлю тебе ужин на кухне. Собери вещи и ложись спать пораньше. Завтра я тебя провожу.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Тан Юйхуэй удержал его за край одежды. Кан Чжэ замер, потом спокойно обернулся.

— Что такое? — ровным голосом спросил он.

Тан Юйхуэй, поджав губы и не глядя Кан Чжэ в глаза, опустил голову, словно не зная, как начать. Он тербил край одежды Кан Чжэ. Наконец, после долгой паузы он прошептал:

— Можно я возьму с собой тот пуховик?

В комнате повисла тишина, настолько глубокая, что стало слышно движение воздуха. Кан Чжэ слегка опешил. Он не ожидал такой просьбы и сделал шаг назад. Край его одежды выскользнул из пальцев Тан Юйхуэя. Остановившись на небольшом расстоянии, Кан Чжэ улыбнулся.

— Конечно.

— Спасибо, а-Чжэ, — Тан Юйхуэй поднял голову и улыбнулся в ответ.

Кан Чжэ отвёл взгляд и быстро вышел из комнаты. В последний час своего одиночества Тан

Юйхуэй не искал ни объятий, ни поцелуев, ни той близости, которую они делили только вдвоём. Он знал: ничто не вечно. Словно торговый автомат, свидетель его взросления, питавшийся монетами его чувств. Если автомат опустел, и осталась лишь последняя, одинокая бутылка, он хотел, чтобы она была там, скрашивая эту пустоту.

Тан Юйхуэй не сомкнул глаз всю ночь. Не от горя или отчаяния, а от ощущения, будто вечные пески времени беззвучно сыплются в тёмную бездну. Он вспоминал сцены из фильмов и книг, снова и снова задаваясь вопросом, как же нужно прощаться с любимыми.

Когда рассвело, Тан Юйхуэй понял, что почти не спал, и этот вопрос всё ещё крутился у него в голове. Он сел на кровати. В небольшое окошко пробивался тонкий луч света. Тан Юйхуэй потёр глаза. Кандин подарил им в день расставания щедрое солнце — небо было ослепительно прекрасным. Тан Юйхуэй беззвучно улыбнулся облаку, проплывавшему мимо слухового окна.

Кан Чжэ, одетый в тонкую чёрную куртку, помог отнести чемодан вниз и привязал его к мотоциклу, точь-в-точь как в первый день. Тан Юйхуэй попрощался с родителями Кан Чжэ в гостинной. Сложив руки, он слегка поклонился им и от всей души пожелал:

— Тётя говорит, что у меня есть связь с Буддой. Если это правда, пусть Будда услышит мою молитву и дарует вам семейное счастье и здоровье.

До аэропорта было сорок восемь километров. Тан Юйхуэй отрешённо смотрел, как дорога уходит назад, открывая бескрайние виды, а зелёные горы медленно исчезают вдаль, словно безмолвно прощаясь с ним.

Он ещё крепче обнял Кан Чжэ за талию, прижался лицом к его спине и представил, как в снежных горах пульсирует кровь. Тан Юйхуэй потёрся щекой о спину Кан Чжэ, изо всех сил стараясь запомнить это ощущение леденящего холода. Он не мог согреть его, но желал, чтобы тот, кого он так сильно любил, был таким же крепким и свободным, как ледник.

Даже самый долгий путь когда-нибудь заканчивается. Они приехали почти к вылету, и Тан Юйхуэй уже пора было идти в аэропорт. Кан Чжэ снял его чемодан, но сам остался сидеть на мотоцикле, упёршись ногами в землю. Казалось, он не собирался провожать его дальше. Тан Юйхуэй не знал, как сейчас выглядит его улыбка, но всё же попытался растянуть губы. Кан

Чжэ молча смотрел на него какое-то время, а потом тихо сказал:

— Пора.

— Хор... — голос Тан Юйхуэя прервался, он, зажав рот ладонью, кивнул.

Кан Чжэ помахал ему рукой. Тан Юйхуэй, с трудом отвернувшись, сделал шаг — и тут же услышал:

— Подожди.

Тан Юйхуэй обернулся. Его глаза, подобные хрусталию, наполнились слезами, готовыми вот-вот брызнуть дождём. Кан Чжэ откуда-то достал ту самую шляпу, которая столько раз переходила из рук в руки, и твёрдо произнёс:

— Тан Юйхуэй.

Даже сейчас, в момент прощания, когда Кан Чжэ произнёс его имя всерьёз, сердце Тан Юйхуэя забилось ровно и сильно. Тан Юйхуэй изо всех сил сдерживал слёзы. Он сделал шаг вперёд, и Кан Чжэ надел шляпу ему на голову, тихо произнеся:

— Тан-Тан.

Голос Кан Чжэ, похожий на шёпот, пронёсся, как лёгкий ветерок, и растворился в воздухе.

— Возвращаю тебе.

С этими словами Кан Чжэ завёл мотоцикл и, не оборачиваясь, уехал.

Слёзы Тан Юйхуэя хлынули потоком, стекая по щекам и капая на асфальт, становясь незаметной частью этой испещрённой бесчисленными трещинами земли. Он слышал доносящийся издали рокот мотоцикла, смешанный с другими звуками, похожий на биение сердца ветра, вечно пульсирующего среди развевающихся молитвенных флагов.

Рыдая, Тан Юйхуэй потащил свой чемодан и успокоился только после того, как умылся в туалете, где его когда-то так сильно тошнило. Он нашёл тибетского сотрудника аэропорта и, повторив слова Кан Чжэ, тихо спросил, что они значат.

Тибетец с улыбкой посмотрел на него.

— Это сказал твой друг, который тебя провожал? Это обычное пожелание.

— Что оно означает? — медленно спросил Тан Юйхуэй.

Чужая душа — потёмки. Сквозь гомон аэропорта и объявления о посадке, тибетец с участием в голосе передал:

— Он сказал «прощай». И пожелал тебе счастья и здоровья.

Автору есть что сказать.

Есть такой тибетский обычай: если юноша пленился девушкой и желает взять её в жены, он похищает её головной убор. Спустя несколько дней он возвращает его. Если девушка с улыбкой

принимает дар обратно — её сердце отвечает взаимностью. Если же нет — головной убор остаётся у юноши.

Из книги «Свадебные традиции Китая», глава о Тибете.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130193>